

*Очень трудно найти причину,
Чтобы взрослый мужчина плакал.
Вы простите меня, мужчины, —
У меня умерла собака...*

И. Трояновский

Я ждал собаку десять лет. Ждал, не решаясь завести ее по многим причинам. Одна из них, самая главная, — отсутствие своего двора, где можно сделать вольер, потому что лайку лучше держать в вольере на улице. Были и другие причины — маленькие дети и работа, которые занимали почти все время. Я боялся, что не смогу уделить четвероногому другу достаточного внимания и он вырастет глупой и бестолковой псиной, каких много.

Но дети, как это обычно бывает, незаметно стали взрослыми и после школы разбежались продолжать учебу в большие города. Работа стала более размеренной, предсказуемой и уже не отнимала столько времени и сил. Моя работа — это небольшое рекламное агентство, в штате которого всего-то два человека — я и жена.

Двора своего у меня, правда, не появилось. Я по-прежнему живу в небольшом деревянном одноэтажном бараке на самом краю города. Квартира расположена в центре дома, а прямо возле крыльца проходит дорога, которая не дает мне поставить забор.

На коттедж я все еще не накопил денег.

Я ждал собаку десять лет. С тех пор, как после долгих скитаний по стране вернулся в родной город, обзавелся ружьем, потом еще одним и снова стал подолгу пропадать в тайге. Постепенно к охоте пристрастилась жена, мы купили ей легкую одностволку МР-18.

Я не люблю шумных охотничьих компаний. Не люблю тостов «за открытие охоты» или «на кровях». Мои таежные компаньоны — жена Юлька и младший сын Димка. Но часто бывает, что я на охоте один. И тогда особенно сильно хочется, чтобы рядом была собака.

Лайку редко держат в квартире. Но все-таки держат. И лучше всего для этого подходит карело-финская лайка из-за ее компактных размеров и отсутствия агрессии, свойственной породам больших зверовых лаек.

И вот мы с Юлькой решили завести собаку, не дожидаясь переезда в коттедж, которого, возможно, вообще никогда не будет. Нашли в Интернете питомник, оформили заявку. Щенок к тому времени только-только родился, поэтому до отправки надо было ждать почти полтора месяца.

Я мечтал о своей собаке так долго, так много говорил о ней, что мой младший сын, перед сном желая мне «спокойной ночи», часто добавлял к этой традиционной фразе: «И пусть тебе приснится лайка».

Но лайки мне не снились. Может быть, потому, что мне вообще редко снятся сны.

Все эти годы я ждал светлый, но несуществующий образ. А потом, после переписки с питомником, уже ждал живого, настоящего щенка.

Собаку назвали Кетту, потому что щенки этого помета по правилам питомника должны были получить клички, начинающиеся на букву «к». В переводе с финского Кетту — лиса. Моей рыжей и остромордой собачке кличка подходила как нельзя лучше.

Кетту отправляли из Москвы самолетом. А поскольку в наш небольшой город самолеты не летают, мне пришлось ехать встречать ее в Благовещенск.

Утром я выехал на своем японском грузовичке из Тынды и поздно вечером был в областном центре. Заночевал в гостинице. Перед сном посчитал, что с учетом разницы во времени в Москве сейчас около шести вечера, значит, собачка моя уже в самолете.

Будильник на мобильном телефоне разбудил меня в начале седьмого. Я умылся, сдал горничной ключ от номера и выехал в аэропорт. До прибытия рейса из Внуково оставалось еще около часа. Взяв кружку чаю в кафе на втором этаже, я разместился у большого окна, из которого было видно взлетно-посадочную полосу и большие серебристые самолеты, приземлявшиеся время от времени.

Ожидание тянулось долго, но вот объявили, что самолет из Внуково заходит на посадку. И в тот же момент большой лайнер вынырнул откуда-то сверху, приземлился, пронесся на огромной скорости мимо аэропорта и скрылся из вида. Моя собака прилетела в Благовещенск.

На грузовом складе мне сообщили, что щенка выдадут не скоро. Какое-то время уйдет на разгрузку, потом придется подождать ветеринара, нужно будет оформить бумаги, так что придется ждать.

Я стоял возле решетчатых ворот склада, когда мимо проехал тягач с грузом из прибывшего самолета. С тележки, тащившейся на прицепе за тягачом, раздавался истошный щенячий визг. Я сразу понял, вернее, почувствовал, что это моя собака. Тележку подвезли к складу и отцепили. Трудяга-тягач опять куда-то уехал. Визг с тележки становился все громче и громче, а работники склада не спешили начинать выдачу.

Но концерт, который закатила Кетту, вывел все-таки работников склада из терпения. Сразу нашелся пропавший было бесследно ветеринар. Меня приняли вне очереди и быстро оформили бумаги. После чего с большим облегчением и радостью выдали пластиковую клетку с собакой.

Я поднял клетку на уровень лица и заглянул внутрь. На меня смотрели растерянные большие черные глаза рыжей лисички. Потом сквозь прутья клетки просунулся маленький мокрый черный нос, пытающийся меня обнюхать. Так произошла наша первая встреча. Такой я и запомнил Кетту — растерянной и любопытно обнюхивающей меня сквозь клетку.

Истерика, прекратившаяся во время нашего знакомства, возобновилась у Кетту сразу же, как я вышел из склада и направился к стоянке. Открыв дверь грузовика, я посадил щенка на сиденье, а ненавистную клетку закинул в кузов. Обнюхав салон, собачка успокоилась и разлеглась на пассажирском кресле.

Между нами как-то мгновенно установилась внутренняя связь, что бывает довольно редко. Я видел Кетту в первый раз, но сразу понял — это моя собака. Даже не понял, а ощутил в сердце каким-то неведомым чувством. Дальнейшие наши отношения были такими, словно мы вместе уже много лет.

Время от времени Кетту принималась с задором носиться по маленькой кабине грузовика, умудряясь запрыгивать на панель приборов и даже на руль. Я решил, что в дороге нам придется много гулять, чтобы как-то усмирять буйный темперамент собаки и выплескивать накапливающуюся у нее энергию. А для прогулок нужен ошейник и поводок. В городе мы заехали в зоомагазин. Надевать на себя ошейник Кетту категорически отказывалась. Поэтому в первый раз, не имея должной сноровки, мне пришлось помучиться. Кетту вертелась, недовольно мотала головой. Во время всех этих манипуляций я случайно заметил на груди у собачки маленькую шишечку, похожую на сосок, но находившуюся в несвойственном для него месте. Раздвинув мех, я обнаружил большого, напившегося крови клеща, присосавшегося к коже собаки. Попытался вытащить, но не смог. У меня нет опыта по удалению клещей, потому что в наших северных местах клещи редко встречаются. Пришлось ехать в ближайшую ветеринарную клинику, и ветеринар удалил паразита.

Как я потом узнал, заводчики перед отправкой решили сфотографировать щенка, для чего пустили на несколько минут побегать по траве. За эти несколько минут щенок и успел подцепить клеща...

На федеральной трассе движение машин стало спокойнее, и Кетту больше не прыгала и не бегала по кабине. Она лежала на пассажирском сиденье и смотрела сквозь нижнее стекло левой двери на разделительную полосу шоссе, мелькающую белыми прерывистыми линиями. Я наблюдал украдкой за собакой и удивлялся, как у нее до сих пор не закружилась от этих мельканий голова.

Иногда собачка перебиралась ко мне на колени и засыпала, а я рассказывал ей о том, что скоро мы поедем в тайгу и я покажу ей свои самые любимые места, которые и она, наверное, тоже полюбит. Рассказывал, как мы будем охотиться на уток, глухарей и соболей. А может, добудем оленя или сохатого. Кетту спала и слушала меня во сне, насторожив свои острые рыжие уши.

Во время стоянок у придорожных кафе мы с Кетту пользовались успехом у женщин. Они по-детски восхищались маленькой очаровательной и темпераментной рыжей собачкой, путешествующей на грузовике с интересным мужчиной.

После Большого Невера мы свернули на федералку М-56. Пошла грунтовая дорога. Кетту в недоумении смотрела то на меня, но на нижнее окно двери, удивляясь, куда подевалась разделительная полоса, на которую так интересно было смотреть.

Домой, в Тынду, мы приехали в час ночи.

Утром моя москвичка впервые познакомилась с тайгой, которая начинается прямо от моего крыльца. Кетту обнюхивала каждую травинку, каждый сухой листок. Особенно ей нравился запах цветущего рододендрона. Она нюхала цветы или просто сидела и любовалась, как розово-фиолетовые бутончики колышутся на ветках при дуновении ветра. Ну, истинная дама, что с нее взять...

Гуляли мы не так много, как хотелось бы. Хоть мы и живем на самом краю города, тайга тут чистая, я все же боялся, что Кетту подхватит какую-нибудь заразу. Ведь ни одной прививки у нее еще не было. Первую прививку мы должны были делать через два дня.

Дома Кетту сразу поняла, где ей отведено место, и спала только там. Поскольку она была еще маленькой, ей разрешалось в доме делать все что угодно и находиться где угодно, кроме дивана. Если Кетту запрыгивала на диван, я подходил и шуточно ругал ее. Она делала обиженные глаза, опускала голову и уходила на свое место за диван. Но вскоре она раззадоривала себя какой-нибудь из своих игрушек и забывала обиду.

Игрушек у нее было три: самая большая — тряпичная кукла Спанч Боб, которую Кетту теребила, катала и швыряла по комнате безжалостным образом. Если собаке надоела пассивность Спанч Боба, она подбегала ко мне и требовала, чтобы я «оживил» ее.

вил» игрушку. Тогда я брал многострадального мультперсонажа в руку, и он начинал выгладывать то из-за дивана, то из-за кресла, дразня собаку. Кетту такая игра очень нравилась. Она возбужденно лаяла и виляла хвостом и стремительно бросалась на беднягу Боба. Но не тут-то было. Инертный квадратный толстячок превращался вдруг (не без помощи хозяина) в гиперактивное существо, и схватить его становилось не так-то просто. Счастливая и довольная Кетту азартно бегала за неуловимым Бобом, пока наконец мне не надоедала игра. Тогда я отдавал американского героя в ее полное распоряжение, и она принималась его теревить с удвоенной силой.

Еще у Кетту был Микки Маус и желтый теннисный мяч. Мяч мы любили катать друг другу: я катил мяч в ее сторону, она лапой толкала его ко мне...

На четвертый день Кетту заболела.

Вечером я собирался ненадолго съездить на охоту — был последний день весеннего сезона, который я пропустил, посвятив время своей маленькой лайке. Но собачка встретила меня с работы вяло: почти не играла, не хотела есть. Мы немного покатали мяч друг другу, и она уснула.

Утром я заметил у собаки гнойные выделения из глаз. Гулять Кетту отказалась. В лесу она свернулась в клубок и заснула. Ко всему прочему, заболела ангиной жена, у нее поднялась температура и отекло горло.

Работа в нашей фирме построена так, что кто-то из нас всегда должен находиться там. Клиенты платят нам деньги, и мы не можем их подводить. В бизнесе никого не интересуют болезни, пропускать работу нельзя даже по уважительной причине.

Решили, что я поеду на работу, а Юлька пока останется дома. Через пару часов она возьмет собаку, заедет за мной, и мы быстро съездим в ветеринарную больницу. После чего они вернутся домой, а я — в офис.

Отечный, словно с похмелья ветеринар поставил Кетту диагноз — энтерит и сделал три внутримышечные инъекции.

В двенадцать часов дня Кетту вырвало желчью. Жена сказала мне это по телефону, и мы решили, что после обеда она отвезет ее снова в ветеринарку. Потому что, скорее всего, у собаки не энтерит, а чумка.

И тут я вспомнил про клеща, которого Кетту привезла на себе из Москвы. Я попросил рассказать об этом врачу. Клещ мог быть заражен пироплазмами. И тогда у собаки пироплазмоз.

После обеда в больнице был уже другой врач. Он отверг наше предположение о пироплазмозе, решительно заявил, что у щенка чумка, ввел собаке еще два внутримышечных укола и один внутривенный. Жене он дал шприц, наполненный лекарством, которое нужно было ввести в двенадцать часов ночи.

Я ни разу не ставил уколы собакам. В детстве у меня были две лайки, они часто приносили щенков, которые, бывало, болели чумкой. Но я лечил их только народным средством — водкой и никогда не ставил уколы.

Необходимую информацию о том, как правильно сделать внутримышечную инъекцию, я почерпнул вечером из Интернета. И ночью успешно поставил Кетту первый укол.

По рекомендации врача мы поили собаку отваром дуба и ромашки и закапывали в глаза стрептоцидовые капли.

Под утро Кетту, несмотря на прошлые запреты, забралась все-таки к нам на диван и остаток болезни провела на нем.

На следующий день я снова поехал на работу на автобусе, оставив грузовик жене, чтобы она утром отвезла собаку на уколы. Ни жене, ни собаке не стало лучше. Вечером Кетту ходила с трудом, шаталась из стороны в сторону, предпочитала лежать, еду категорически отвергала. Выделения из глаз и рвота прошли. Но в моче появилась кровь. И опять у нас возникли сомнения по поводу правильности поставленного врачом диагноза.

На третий день жене стало лучше, температура прошла, утихла боль в горле. Но Кетту больше уже не вставала, все время дремала на диване. Жена на всякий случай подложила под нее пеленку и укрыла теплой шалью. Вечером мы сделали собаке массаж, опасаясь пролежней и думая, что хоть немного приведем ее мышцы в тонус.

На четвертый день болезни Кетту стало еще хуже. Она стала похожа на взрослую собаку. Недуг состарил и изуродовал ее. Мордочка потеряла былую привлекательность и шарм, но черные огромные глаза оставались все теми же глазами маленькой лисички. Только взгляд стал не радостный и лукавый, как раньше, а умный, пронзительный и почему-то виноватый. Мне казалось, что она говорит мне: «Ты так долго меня ждал, так радовался, а я взяла и заболела, прости меня!» И тогда я говорил Кетту: «Маленькая моя девочка, ты ни в чем не виновата. Мы вылечим тебя и осенью пойдем охотиться на глухарей. У нас впереди вся жизнь и столько интересных охот».

Я гладил Кетту и разговаривал с ней ласковым голосом, это помогало собаке хоть ненадолго заснуть.

К вечеру у Кетту усилились судороги. Она почти все время проводила на руках у жены и скулила. Собака была завернута в пеленку и шаль и была похожа на больного грудного ребенка.

В девять часов вечера я ввел собаке внутримышечно магнезию. Через час — назначенный врачом цефатоксин, который, как я уже знаю сейчас, был абсолютно бесполезен. Укол причинил щенку боль. Я чувствовал это, просил у Кетту прощения, гладил ее, слезы капали на моего маленького пушистого лисенка.

К ночи Кетту стала шевелить лапками и скулить громче обычного. Мне показалось, что она оживает и идет на поправку.

Я заснул около часа ночи. Примерно через два часа Кетту попросилась в туалет. Жена взяла ее с дивана и подержала над тряпочкой. Кетту сходила по-маленькому, харкнула кровью и умерла.

Я проснулся оттого, что во сне у меня сильно заболело сердце. Жена сидела на диване и, плача, гладила собаку. Я посмотрел на часы — было ровно три часа ночи.

Утром мы отвезли Кетту в тайгу. Выбрали красивое место среди цветущих рододендронов, которые собака так любила. На дно выкопанной ямки положили подстилку Кетту, а саму ее укутали пеленкой и теплой шалью, в которых прошла ее мучительная болезнь. Рядом с собакой положили ее игрушки: Спанч Боба, Микки Мауса и желтый теннисный мяч. Туда же опустили ошейник и поводок, которые предназначались только ей и которые я покупал только для нее.

На маленький холмик мы положили несколько веточек рододендрона. Издалека приближался поезд, и раздался долгий и печальный гудок локомотива...

Мы не поехали домой сразу, побывали на реке, на озерах, посетили некоторые мои любимые места, которые я так и не успел показать Кетту. Домой вернулись поздно вечером.

Сейчас я понимаю, что Кетту умерла не от чумки, от которой ее лечили ветеринары, а от пироплазмоза. Было несколько симптомов, которые с большой вероятностью указывали на это. Но врачам мы это не смогли объяснить. Много нелепых случайностей сплелось вокруг моей бедной собаки, но теперь уже ничего не изменить.

Я говорил уже: лайки мне никогда не снились, мне вообще редко снятся сны. Но сегодня, на третью ночь после смерти Кетту, мне приснилась лайка. Моя маленькая, пушистая рыжая лисичка.

Мне приснилась Кетту, которую я не смог спасти, не смог оградить от беды.

